

Ирина Назаренко

A man with a goatee and a crow on his shoulder, looking intensely at the camera. The background is dark, and the foreground is filled with shattered glass shards.

**НАДЕЖДА
ВОРОНА**

Ирина Назаренко
Надежда ворона

«Автор»

2026

Назаренко И. Ю.

Надежда ворона / И. Ю. Назаренко — «Автор», 2026

Одиночество. Неуверенность. Библиотека как убежище. Но привычный мир рушится, когда она встречает таинственного Германа, который показывает: граница реальности существует лишь в нашей голове. Что это — сон, безумие или пробуждение? Сны превращаются в портал: балы, маски, смертельная угроза и таинственный спаситель. Кто она на теперь – пленница фантазий или избранница судьбы? Ей предстоит решить: остаться в зоне привычного комфорта или принять предначертанный путь — даже если он раскроет то, что лучше не знать.

© Назаренко И. Ю., 2026

© Автор, 2026

Ирина Назаренко

Надежда ворона

«Кто смотрит наружу – видит сны,
кто смотрит внутрь – пробуждается».

Карл Густав Юнг.

Глава первая

– Где она? Не вижу! Пусть подойдёт к зеркалу! – раздался гремучий, дьявольский голос, будто из самой преисподней.

Она бежала босиком по бесконечно длинному коридору в одной ночной белой рубашке. Пол был ледяным и скрипучим; от прикосновения к нему всё тело пронизывала ледяная дрожь, изо рта шёл пар.

С каждым шагом холод становился всё нестерпимее. Казалось, воздух тяжелел, словно замёрзший свинец и пах какой-то сыростью.

«Только бы не опоздать... Только бы успеть...» – пульсировало в голове, заглушая стук сердца.

Наконец впереди что-то блеснуло. Зеркало – тусклое, старое, покрытое паутиной трещин. Она остановилась перед ним, едва переводя дыхание, взглянула... и леденящий ужас сковал её изнутри.

Из зазеркалья на неё смотрела тёмная тень – бесформенная, полупрозрачная, но отчётливо видимая. Тень начала менять форму, словно вода, и наконец слилась в фигуру высокого человека. Казалось, он вышел оттуда и стоит у стены позади неё – но, когда она обернулась, там никого не было. Женщина испугалась и задрожала. Медленно повернувшись к зеркалу, она увидела, что фигура всё ещё там и начинает приближаться.

– Помогите! – закричала она.

– А-ха-ха-ха! – прогремел адский смех, от которого задрожали стены. – Ты опоздала. – Убирайся прочь!

Резкий звон будильника ворвался в сознание, заставляя Надежду вернуться в реальность.

– Господи... – прошептала она, сжимая простыню всё ещё дрожащими руками. – Признитесь же такое... Кошмар...

Взгляд невольно скользнул в сторону зеркала на стене. Надежда перекрестилась и выбралась из кровати, быстро прошла на кухню, стараясь не смотреть на своё отражение. Она вообще избегала зеркал – они были источником постоянного огорчения, напоминая о её некрасивости. Это причиняло боль. Часто она ловила на себе насмешливые или сочувственные взгляды. Тело, будто вылепленное без оглядки на каноны: широкие плечи, крупные бёдра, привычка сутулиться, словно пытаясь стать меньше. Уши, торчащие, как паруса, не желали подчиняться причёске и упрямо выбивались наружу. Очки с толстыми линзами уменьшали глаза, а привычка смотреть в пол придавала взгляду виноватое выражение – будто она извинялась за своё присутствие.

Но внешность была лишь вершиной айсберга. Гораздо больше ранило одиночество. Мысль о том, что в этом огромном мире до тебя нет никому никакого дела, приводила Надю в отчаяние. «Разве справедливо, что человек совсем один, когда вокруг столько людей?» – думала девушка, наливая себе кофе.

Она была поздним, долгожданным ребёнком. Родители окружили её такой любовью, что казалось, будто весь мир – это их тёплые объятия. Но время неумолимо: старики ушли, оставив после себя просторную двухкомнатную квартиру и старого глухого кота по имени Гештальт или просто Гешу. А поскольку близких и дальних родственников у них не было, то Надя поду-

мывала отключить городской телефон, который своим молчаливым видом лишь усиливал гнетущее одиночество, особенно по вечерам.

Конечно, мириться с таким положением вещей не хотелось, и девушка зарегистрировалась на сайте знакомств. Первое свидание прошло в парке, на скамейке.

– Берёшь жабу, аккуратно фиксируешь на препаровальной доске. Пинцет и скальпель должны быть идеально острыми, это важно, – с энтузиазмом рассказывал новый знакомый Артём. Сначала делаешь продольный разрез вдоль брюшной полости... Тут главное – не задеть внутренние органы! Потом – поперечные надрезы, чтобы раскрыть ткани. И вот ты уже видишь её сердце, лёгкие, кишечник... Это же невероятно! Каждая структура – маленький шедевр природы.

– Да, конечно... Но, наверное, это... грустно для жабы? – робко спросила Надя, пытаюсь скрыть нарастающую скуку.

– Грустно? Нет, это же наука! Мы узнаём, как устроена жизнь, – восторженно отвечал Артём. – У меня дома целая коллекция: несколько жаб в террариумах, жуки – пластинчатосые, рогахи, бабочки – махаоны, павлиний глаз... Я их давно развожу, наблюдаю, записываю в дневник поведение. Вчера, например, заметил, как самец рогаха защищал территорию – просто эпическая битва!

«По нашей кровати будут ползать жуки... А если я открою кастрюлю с борщом, а оттуда вылезет рогач?..» – мысленно содрогнулась Надя.

– И... вы всегда так проводите время? Ну, с жуками и жабами? – уточнила она, натянув улыбку.

– Конечно! Это – моя жизнь, – без тени иронии ответил молодой учёный. – Мама, правда, постоянно ворчит: «Артём, ты слишком много времени тратишь на науку! Пора жениться, хочу нянчить внуков!» Говорит, что женщина в доме – это порядок, уют... Но где взять женщину, которая поймёт, что жаба на столе – это не кошмар, а рабочий материал?

– Зачем вам женщина, если у вас есть они? – поправив очки, уточнила Надя.

– Ну..мама настаивает, – растерянно ответил Артём. – Говорит, что жена должна создавать комфорт. А я думаю: разве нельзя совмещать? Наука – это же так увлекательно!

Надя встала и не глядя на собеседника, произнесла:

– Простите, но я, пожалуй, пойду. Не провожайте. Всего хорошего.

«Что я не так сказал?.. Может, надо было начать с бабочек?» – Артём растерянно смотрел вслед уходящей девушке. Он так и остался сидеть на скамейке всё пытаюсь понять, где же допустил ошибку. Из-за туч выглянуло игривое летнее солнце, но для него мир вдруг стал немного менее понятным.

Следующее интернет – свидание стало последней каплей. В уютном кафе с приглушённым светом, Надя нервно поправляя прядь волос, чтобы закрыть уши, поглядывая на входную дверь. Когда вошёл Эдуард, худощавый мужчина лет под пятьдесят, она невольно вздрогнула. Он снял пальто широким жестом и устроился напротив.

– Надежда? Очаровательно! Признаюсь, на фото вы выглядели... несколько иначе. Но в жизни – куда интереснее!

– Здравствуйте, Эдуард, – краснея, ответила Надя. – Да, фото – это почти всегда на удачу.

– Ох, эти пробки! Но оно того стоило, – он достал из кармана платок и театрально протёр лоб. – Знаете, жизнь – как экспресс: мчится, мчится, а ты лишь успеваешь хватать мгновения. Надо получать кайф здесь и сейчас!

Надежда удивлённо вскинула брови:

– Кайф? Вы, кажется, продюсер? Или литературный критик?

– Ах, да, в резюме пришлось выбрать что-то одно, – засмеялся Эдуард, обнажая идеально белые виниры. – На самом деле я – проводник в мир удовольствий! У меня дома, кстати, коллекция... э-э-э... предметов, которые превращают будни в праздник.

– Предметы? Как в музее современного искусства? – уточнила Надя, отпивая глоток чая. Эдуард загадочно понизил голос:

– Лучше! Это не просто вещи – это философия. Представьте: шёлковый канат, бархатные повязки, кожаный...

– Эдуард, вы сейчас про коллекцию антикварных книг говорите или я что-то не так поняла? – резко поставив чашку на стол, перебила Надя.

– Книг? Ах, вы про то, что я упомянул в профиле... Нет-нет, это я так, для интриги, – озадаченно произнёс молодой мужчина. – На самом деле моя страсть – сенсорные эксперименты. Я ищу женщину, которая разделит мой взгляд на жизнь: никаких условностей, только чистый гедонизм!

– То есть вы предлагаете мне стать вашей... музой для гедонистических экспериментов? – уточнила Надя, глядя на его ярко-розовый галстук с пионами.

– Именно! – воскликнул он восторженно. – Представьте: лёгкий джаз, дегустация редких вин, а потом – погружение в мир тактильных наслаждений. Я уже и график составил: понедельник – шёлк, среда – латекс, пятница -...

Надежда, густо покраснев, схватила сумочку и пробормотала:

– Простите, Эдуард, я... мне пора идти.

– Но... но как же гедонизм?! – растерянно спросил мужчина.

– Гедонизм – это когда читаешь «Анну Каренину». Хорошего дня, Эдуард!

Эдуард так и остался сидеть, с недоумением глядя на недопитый эспрессо. Ему даже показалось, что пионы на его галстуке тихо ухмыляются.

Всё, больше никаких свиданий! «Вот дура, решила любовь найти в интернете», – ругала себя Надежда и поспешила на свою любимую работу – в библиотеку.

Это место было для неё не просто работой. Это был её особенный, личный мир.

Обычно она приходила в библиотеку за час до открытия, чуть раньше своих коллег – Маргариты Феоктистовны и Льва Константиновича. Надя любила эти тихие утренние минуты, когда пространство принадлежало только ей.

Она включала свет в читальном зале, наводила порядок на столах, аккуратно расставляла книги, протирала полки. Потом, убедившись, что всё в порядке, забиралась с ногами в потёртое бархатное кресло в дальнем углу и погружалась в другой мир. Мир, в котором реальность растворялась, уступая место воображаемым образам, где она перевоплощалась в героинь классических произведений.

Вот она – Наташа Ростова – скользит по бальному залу в лёгком белом платье и кружится в вальсе, чувствуя, как взволнованно бьётся сердце. Она ловит восхищённые взгляды кавалеров, улыбается, слегка наклоняя голову, и на мгновение забывает, что в её настоящей жизни никто и никогда не звал её танцевать.

И вот – новое перевоплощение: теперь она Анна Каренина. Надя медленно ходит по перрону, кутаясь в тяжёлую шаль, накинутую на чёрное кружевное платье, и вглядывается в дым паровоза. В груди – леденящая душу пустота. В эти минуты она понимает Анну так глубоко, как не поймёт ни один критик: ведь сама знает, что такое одиночество.

Теперь она – дерзкая, отчаянная, готовая на всё ради любви, та самая «Леди Макбет Мценского уезда». Надя переносится в тёмные покои купеческого дома, ощущает жар от горящих свечей, слышит шёпот за спиной. И вот её движения становятся резче, взгляд – пронзительнее.

А бывает, что она – Соня Мармеладова из «Преступления и наказания»: скромное коричневое платье, тонкий платок на плечах. Надя-Соня стоит у окна, глядя на дождливую улицу, и в её глазах – не осуждение, а тихая, всепрощающая любовь: «Страдание – это и есть счастье».

А вот перо замерло над белой бумагой: Надя пишет письмо: «Я к вам пишу, чего же боле...» Она чувствует, как ветер треплет пряди волос, пахнет свежескошенной травой, и на миг ей кажется, что Онегин вот-вот появится из-за деревьев.

Каждая прочитанная книга дарила ей новую судьбу, новые переживания. И в этих перевоплощениях она находила то, чего не хватало в обыденности: возвышенную любовь, страсть, драматизм, героические испытания. Страницы, словно портал в другие реальности, приглашали её примерить на себя жизнь великих литературных женщин.

Надя закрывает книгу, но ещё какое-то время сидит неподвижно, пока остатки воображаемого мира окончательно не растворятся в воздухе. Потом аккуратно ставит том на полку – до следующего раза, когда ей снова понадобится сбежать в чужую судьбу, чтобы на время забыть о своей.

Обычно до полудня читатели не приходили, и к этому времени в библиотеке начинали появляться коллеги. В дальнем углу уже слышалось неторопливое шуршание: это Лев Константинович, пожилой полноватый мужчина с редкими седыми волосами и в старомодных круглых очках, перебирал карточки в каталоге.

– Доброе утро, Лев Константинович! – поздоровалась Надя.

– А, Наденька! – Он поднял голову, улыбнулся, и морщинки вокруг глаз сложились в дружелюбную паутинку. – Доброе, доброе. Вот, привожу в порядок раздел краеведения. Знаете, в школе я всегда говорил ученикам: систематизация – это не рутина, это искусство упорядочивания мыслей. А «история не любит беспечных – она помнит всё».

Он не признавал никакой цифровизации и электронных систем и по старинке пользовался бумажными каталожными карточками. Аккуратно вложив последнюю карточку в ящик, провёл по нему ладонью, словно погладил любимого кота.

Лев Константинович действительно раньше преподавал историю в школе – и до сих пор порой забывался, обращаясь к коллегам как к классу: «Обратите внимание, молодые люди!» или «Запомните этот факт – он пригодится». В библиотеке он находил ту же тихую радость, что и в школе: возможность прикасаться к знаниям, бережно передавать их тем, кто готов слушать. Ну и вообще нужно же чем-то заполнять пенсионерские будни.

Пока Надя разбирала коробки с новыми поступлениями книг, из служебного помещения появилась Маргарита Феокистовна – сухая, изящная женщина без определённого возраста, с диапазоном от 55 до 75. Её безупречно уложенная причёска и яркий макияж создавали образ, будто сошедший с полотна Фрагонара: нечто между игривой торжественностью и царственной непринуждённостью. На шее восседало массивное ожерелье с аметистами, а на пальцах дерзко вспыхивали разноцветными огнями крупные перстни, словно прихваченные из другой эпохи.

– Надюша, душенька, вы не поверите! – Она подплыла к столу, шурша фатиновой юбкой. – Вчера я совершенно случайно побывала на удивительной выставке – словно очутилась в мире великого Булгакова. Всё было так мистически: приглушённый свет, старинные предметы, будто сошедшие со страниц романа... Уверена, это не случайно. Моя покойная маман всегда говорила: знаки судьбы встречаются повсюду, нужно только внимательнее смотреть.

Надя улыбнулась, не отрываясь от коробок с книгами:

– Красиво звучит, Маргарита Феокистовна.

– О, вы даже не представляете! – Та всплеснула руками, звеня массивными браслетами. – Моя маман была писаной красавицей и вращалась в литературных кругах. Сам Эрнст Неизвестный лепил с неё бюст – правда, он так и не был завершён, но эскиз сохранился. А Андрей Вознесенский посвятил ей целых три стихотворения и даже подписал сборник: «Эх, Лиля, почему мы не встретились в те дни?». Конечно, меня назвали в честь булгаковской Маргариты – мама всегда говорила, что это предопределило мою судьбу.

Она кокетливо поправила ожерелье и огляделась с видом королевы, осматривающей владения.

– Кстати, – добавила она, понизив голос, – вчера я переставляла книги в отделе русской классики и почувствовала... странное волнение, потом лёгкий шорох. Словно дух Эммы Бовари решил прогуляться между стеллажами. Вы ведь знаете, что места, где хранятся старые книги, особенно чувствительны к тончайшей энергетике?

Лев Константинович, услышав это, деликатно кашлянул:

– Маргарита Феоктистовна, опять ваши мистические теории? – В его голосе не было насмешки, лишь добродушное недоумение. – Книги – это прежде всего знания. Вот, например, этот новый справочник по истории книгопечатания... – Он протянул ей том. – Здесь куда больше волшебства, чем в вашем мистицизме.

– Знания без мистики – как чай без сахара, – парировала Маргарита Феоктистовна, но книгу взяла, с любопытством разглядывая переплёт. – Хотя, должна признать, оформление превосходное.

Надя молча наблюдала за этой маленькой сценой и слегка улыбалась. Лев Константинович со своей верой в порядок и логику, Маргарита Феоктистовна с её театральными рассказами – они были как две стороны одной книги: одна – строгий шрифт на белой бумаге, другая – витиеватые маргиналии на полях.

Надя невольно сравнивала коллег с героями любимых книг: Лев Константинович напоминал ей мудрого, неторопливого Платона Каратаева, а Маргарита Феоктистовна – эксцентричную, полную тайн Анну Шерер.

Вернувшись домой после работы, Надя предвкушала очередной тихий вечер. Покормив кота Гешу, она подошла к стеллажам с книгами. Дома у неё тоже была своя библиотека, которая была ее гордостью – коллекция редких томов, но не просто собрание раритетов, а уникальные издания, которых не найти ни в одной библиотеке. Здесь хранился подлинник «Фауста» Гёте (Faust, Eine Tragödie) в издании 1808 года с пометками на полях, оставленными неизвестной рукой; потрёпанный том «Ключа Соломона» (Clavicula Salomonis) на латыни, где каждая страница была украшена загадочными символами; рукописная копия «Книги Еноха» на старославянском с иллюстрациями, выполненными киноварью и сусальным золотом; сборник персидских суфийских притч – «Гулистан» Саади; альманах алхимических трактатов XVI века, где формулы и рецепты соседствовали с астрологическими картами.

Но среди этих сокровищ была одна особенная книга – та, что Надя с мамой купили много лет назад на восточном базаре в Самарканде. Она помнила тот день, как вчера.

В воздухе витал аромат пряностей, жареного миндаля и тягучего опиумного дыма. Среди разноцветных тканей и медной утвари прятались лавки антикваров. В одной из них, в углу, сидел старик-араб с лицом, изрезанным глубокими морщинами; его глаза светились странным, почти неземным светом, а в руках он держал курительную трубку.

Женщины разглядывали древние манускрипты и потрёпанные временем тома, как вдруг обнаружили её – тяжёлую книгу в кожаном переплётё с потускневшими серебряными рунами. На корешке едва читалась надпись на незнакомом языке – то ли старославянском, то ли каком-то неведомом диалекте.

Страницы из желтоватой бумаги, исписанные причудливыми символами, светились приглушённым бирюзовым светом и словно двигались при долгом взгляде. Когда Надя коснулась обложки, старик вдруг произнёс на ломаном русском с гортанным акцентом:

– Не всякий достоин раскрыть её тайна. Но кто прочитать её, видеть мир иначе. Он познать то, что скрыто от других... но плата за знание...

Мама не дала ему договорить и отмахнулась:

– Чушь и мистика!

Старик посмотрел на неё так пристально, что она замерла. Книга стоила немислимых денег, но мама, увидев, как загорелись глаза Нади, достала кошелёк:

– Эх, ладно. Иногда нужно позволить себе волшебство.

Надя часто брала книгу с полки: листала страницы, вчитывалась в странные символы, пыталась разобрать обрывки фраз на разных языках. В ней будто смешались отрывки из алхимических трактатов, средневековых легенд и стихов, которых она нигде больше не встречала.

Она поставила книгу на место и направилась на балкон – открыть окно, вдохнуть прохладный вечерний воздух. И замерла.

На перилах сидел чёрный ворон. Не шевелился. Только глаза – яркие и острые – смотрели прямо на неё. Птица была необычайно красива: перья глубокого чёрного цвета с металлическим блеском переливались при каждом движении.

Надя медленно подошла ближе. Птица не шелохнулась. Она протянула руку, но ворон даже не вздрогнул. Тогда Надя принесла из кухни кусочек хлеба и положила на перила. Птица лишь склонила голову, будто изучая её, но к еде не притронулась.

– Ты откуда взялся? – спросила Надя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.